

Борис Степанов

Интеллектуалы и евразийство в эпоху его массовой воспроизводимости¹

*«Мы стояли на плоскости
с переменным углом отраженья,
Наблюдая закон,
приводящий пейзажи в движение...»*
Б.Гребенщиков

Потребность в разметке пространства евразийского дискурса, опыт реализации которой представлен в нижеследующем тексте, была инспирирована стремлением понять причины стагнации исследований евразийства и падения интереса к нему в научном сообществе, которые стали ощущаться в середине 2000-х годов. В этой ситуации мне представлялось необходимым определить возможности продуктивного для *современной* науки и адекватного современной научной рефлексии разговора об этом интеллектуальном феномене. При этом я исходил из того, что рутинизация исследований евразийства не определяется только лишь растущей политической востребованностью последнего и, вместе с тем, академический характер изложения и наличие критики евразийской идеологии не устраняет определенной идеологической подоплеку высказываний о евразийстве. Предпосылкой этой рутинизации, как будет показано ниже, является для нас связь евразийства не только с прямыми идеологическими высказываниями, но также и с принадлежностью его к пространству «интеллектуальной доксы» - «общего мнения», разделяемого учеными, политиками и журналистами, в котором идеологические конструкции «опривычены» до состояния очевидности². Сказанным обусловлены две особенности высказываемых далее рассуждения. С одной стороны, речь идет об использовании категории идентичности. В предлежащем тексте меня будет интересовать соотнесенность способов *идентификации* «евразийства», полагания и конструирования его как объекта высказывания с утверждением определенной *идентичности ученого*, реализуемой в специфически-научном вы-

¹ Первая версия данного текста был впервые представлен в качестве доклада на Летней академии Международного консорциума по изучению европейских культур «Россия, Европа и ислам: концепции «своего и чужого»» в сентябре 2005 года, а затем обсуждался в научном семинаре ИГИТИ-ГУ-ВШЭ в мае 2006 г. Автор приносит благодарность всем участникам обсуждения. Замечания, высказанные в рамках этих обсуждений, были учтены при доработке данной статьи.

² «Докса есть частная точка зрения, точка зрения доминирующих, которая представляет и заставляет признать себя в качестве всеобщей точки зрения; точка зрения тех, кто господствует, подчиняя себе государство, кто сделал из своей точки зрения всеобщую, создавая государство». Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура // Поэтика и политика М. - СПб., 1999. С. 158.

сказывании, в отличие от идентичности политика, чиновника и т.д.³ С другой стороны, признание докисической *отчужденности* дискурса о евразийстве подводит нас к вопросу о смысле и функциях различных стратегий академического высказывания о нем. Основываясь на характеристике этих стратегий предполагается ответить на следующие вопросы: как актуальность дискурса о евразийстве может быть задана адекватными (т.е. *специфически-научными*) средствами, эффективными для обозначения разрыва с описанным выше «евразийством-как-доксой»? Может ли евразийство выступать не только объектом, но и инструментом критики, более того, инструментом критической саморефлексии науки? Существует ли режим историчности, в котором может быть сформирован иной образ евразийства как интеллектуальной традиции⁴? В каком этико-политическом и культурфилософском горизонте подобная рефлексия оказывается возможной?

Отправной точкой для ответа на поставленные вопросы является для меня собственный опыт исследования евразийства 1920-х-1930-х годов. Схематично обозначив его итоги, я обращаюсь к характеристике палитры современной рецепции евразийства в контексте постсоветской политической и интеллектуальной культуры. Это в свою очередь позволит мне обратиться к краткой характеристике современного состояния исследований евразийства, чтобы наметить в итоге те стратегии идентификации и актуализации последнего как предмета научного исследования, которые представляются перспективными и релевантными для современной научной рефлексии. Необходимо лишь оговориться, что нижеследующее обсуждение намеченных выше сюжетов ни в коей мере не претендует ни на детальный анализ классического евразийства, ни на полноту характеристики его современной рецепции и посвященной ему литературы⁵.

³ Таким образом, значения понятий «идентичность» и «идентификация» задаются соответствующим планом анализа. Вместе с тем, хотелось бы отметить, что нас будет интересовать прежде всего политическое различие, имплицитно присутствующее в структуре научного (философского) рассуждения. Следуя в этом отношении за К.Лефором я исхожу из необходимости поставить вопрос соответствии того или иного типа научного высказывания и определенной политической позиции. Конкретным примером подобной рефлексии может служить характеристика французским философом интеллектуального и политического самоопределения Ф.Фюре, воплощенного в его классической книге о Французской революции. См. Лефор К. Мыслить революцию во Французской революции // Его же. Политические очерки XIX-XX века. М., 2000. С. 124-127.

⁴ Понятие «режима исторической рефлексии», отсылающее нас к фундаментальной для гуманитарного знания проблематике историзма, мы заимствуем у Ф.Артога. Под «режимом исторической рефлексии» он понимает «научно сформулированное переживание времени, в свою очередь определяющее, каким образом мы говорим о нашем собственном времени и живем в нем», «порядок времени, который позволяет (или не позволяет) нам размышлять о тех или иных вещах». См. Артог Ф. Время и история. «Как писать историю Франции?» // Анналы на рубеже веков – антология. М., 2002. С. 148, 150.

⁵ Российская библиография евразийских исследований представлена в следующих публикациях: О Евразии и евразийцах (библиографический указатель). Петрозаводск, 2000; Быстрыков В.Ю. В поисках Евразии. Общественно-политическая и научная деятельность П.Н.Савицкого в годы эмиграции (1920-1938). Самара, 2007; Евразийство: историко-культурное наследие и перспективы развития. См. <http://www.bspu.ru/evrasia/index.php?in=biblio.html>. Обширная подборка текстов, отражающих наследие классического евразийства и современные его интерпретации,

Размышления русских эмигрантов-интеллектуалов 20-х годов, известные нам сегодня под именем «евразийства», были попыткой определения и формирования своей социальной и культурной идентичности, попыткой насколько оригинальной, настолько и провокационной и спорной. В изданиях и внутренней переписке евразийцев, в салонных спорах и публичных акциях были сформулированы идеи, затронувшие фундаментальные принципы и формы исторического, географического, лингвистического, политического воображения. Задача реформирования этих принципов вытекала для евразийцев из ощущения необходимости нового мировоззрения и нового действия, обращенных в будущее и адекватных масштабу важнейших событий начала 20 века – Первой мировой войны и революции. Необходимо было придать смысл возникновению новых политических форм на обломках имперской государственности, осознать отношение к прежней территориальной целостности и нынешней эмиграции, социальным катаклизмам, к церковному обновлению и гонениям власти (впервые в России – радикально атеистической!) на церковь, к упадку прежних символов культуры («Европы», «интеллигенции» и др.) и претензии восставших масс на присвоение и созидание культуры и, наконец, к распаду привычной культурной и академической среды и необходимости каким-то образом реализовывать себя в условиях новой конъюнктуры. Очевидно, что у евразийцев были предшественники и попутчики на Западе, и что некоторые идеи были высказаны ими еще до возникновения движения. Однако принципиальным кажется то, что особенности предложенного евразийцами идейного синтеза, их специфическая чуткость и специфические заблуждения обусловлены духовным климатом тех лет, и, в частности, ситуацией территориального, политического, религиозного и культурного *отчуждения*. Как результат культурного самоопределения евразийство 1920-х годов не может быть адекватно изучено, будучи сведенным к некой обобщенной интерпретации отношений Европы и Азии, судеб церкви и интеллигенции и проч., взятой вне контекста эмигрантского существования ее создателей. В идеях и поступках евразийцев нужно увидеть сложносоставные (и, может быть, не столь заметные на первый взгляд) акты выбора, акты утверждения идентичности. Каждый из этих выборов получает смысл сразу в нескольких планах и оказывается одновременно выбором политическим, религиозным, научным. *Различия*, полагаемые этими актами, приобретают смысл на разных уровнях социального взаимодействия. Они затрагивают не только основания научного, философско-исторического и политического синтеза, но и отношения с другими участниками реконструкции интеллектуальной и политической сцены, происходившей в эмиграции, и восприятие местных порядков и институций. Работу по формированию идентичности и выражению определенной конфигурации Своего и Чужого необ-

ходимо рассматривать во взаимосвязи дальних и ближних горизонтов их жизненного мира.

Как известно, рамки будущей идеологии были обозначены для евразийцев утверждениями «исхода к Востоку» и «России-Евразии». Эти формулировки оказались достаточно гибкими для того, чтобы объединить разноплановые установки и стремления участников движения. Идея «исхода к Востоку» была не только следствием научных поисков основателей движения, побуждавших их к пересмотру ряда концепций, сложившихся в географии, этнографии, лингвистике, музыковедении и т.д.⁶. Этот лозунг одновременно подразумевал и более радикальное исповедание православия, противопоставлявшее евразийцев склонным к экуменизму представителям старшего поколения религиозной мысли⁷. Он выражал также и новое понимание революции и пореволюционной ситуации, вызвавшее отторжение как у контрреволюционно настроенных «правых», так и у «левых», склонявшихся к принятию революции. Наконец, «исход к Востоку» означал отторжение европейской культуры - парадоксальное как с точки зрения тогдашнего местонахождения евразийцев, так и в перспективе поиска именно в европейской мысли идеологически близких им течений (вроде «консервативной революции», раннего фашизма и проч.)⁸. Необходимость практического выбора между разными смыслами евразийства, к которому подталкивали интеллектуальные поиски и жизненные обстоятельства, приводила участников движения к конфликтам - как внешним, так и внутренним. Так для Н.С.Трубецкого в какой-то момент выбор между Европой и Россией-Евразией определяется как выбор между входением в европейское научное сообщество и участием в эмигрантской политике. В известном письме П.Н.Савицкому от 10 декабря 1930-ого года он высказывается в совершенно крамольном для евразийца духе: «Мы – представители европейско-русской культуры. Культура эта в настоящий момент умирает и в СССР заменяется новой м.б. тоже русской, но во всяком случае не европейско-русской. Примкнуть к этой новой культуре мы не можем, не перестав быть сами-

⁶ В качестве примеров подобных научных инноваций здесь можно привести новую концепцию сравнительно-исторического языкознания Трубецкого и его критику представлений о «славянском» единстве, новое видение истории и теории музыки в работах П. Сувчинского и А. Лурье и т.д.

⁷ См. об этом Голлербах Е.А. К незримому граду. Религиозно-философская группа путь (1910-1919) в поисках новой русской идентичности СПб., 2000. С. 421-445; Соболев А. В. Своя своих не познала: Евразийство: Л.П. Карсавин и другие: (конспект исследования) // Начала. 1992. № 4. С. 49-58; Колеров М.А. Братство Св. Софии: «веховцы» и «евразийцы» (1921-1925 гг.) // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 143-167; Степанов Б. Спор евразийцев о церкви личности и государстве (1925-1927 // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2001-2002 годы. М., 2002. С. 89-98. При этом формы актуализации православия понимались евразийцами по-разному.

⁸ Существование евразийской организации обеспечивалось как средствами представителей русской эмиграции, так и спонсорской помощью английских и американских деловых кругов. См. об этом напр.: Шатилов А.Б. Евразийство как явление политической культуры начала XX века. Дисс к. полит. н. М., 1999. С. 196-199; Из переписки евразийцев // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 305-337.

ми собой. Работать на старую культуру – нецелесообразно, т.к. те масштабы, к которым стремимся мы, совершенно не соответствуют масштабу этой умирающей культуры. Что же делать? – Думаю, что не остается ничего другого, как выйти за пределы национально ограниченной европейско-русской культуры и (*horrible dictu!*) работать на культуру общеевропейскую, притязающую на звание общечеловеческой»⁹.

Что же касается заявленных евразийцами ориентиров, то надо сказать, что интерпретации «Азии» и «Востока» - в противоположность «Европе» и «Западу» - оказались весьма неопределенными как в собственно географическом, так и культурном смысле. Преодолевая дисбаланс в географических представлениях, евразийцы не смогли преодолеть культурного дисбаланса в самоопределении между «Европой» и «Азией»¹⁰. Несмотря на антиколониальный пафос, страны Азии были для евразийцев малоинтересны, а в религиозном отношении и просто чужды¹¹. «Восток» и «Азия» воспринимались главным образом в связи с туранским началом/наследием в русской культуре, которое играло принципиальную роль в характеристике российской самобытности. В остальном же интерпретации Востока и Запада были вторичными по отношению к критике европейской культуры, которая становилась отправной точкой конструирования Евразии. Возникшая таким образом конструкция была призвана синтезировать лингвистические, географические, исторические, политические и религиозные аргументы в обоснование *естественного* характера того осмоса культур, который развивался на территории России. Окончательному его раскрытию должны были способствовать произошедшие *социальные и политические* перемены, осмыслявшиеся в терминах отторжения *культурным организмом* чуждых влияний. Фигура Чингисхана – образ культурного Другого, ставший для евразийцев новым символом государственной целостности и мощи – взывал к примирению с установившимся в России культурным и политическим порядком и, разумеется, не мог не провоцировать приверженцев более традиционных символов.

На разных этапах развития движения, прошедшего путь от группы интеллектуалов до партии, тем или иным символическим ресурсам, задействованным в конструкции евразийской идеологии, могло придаваться – в соответствии с теку-

⁹ Казнина О.А. Н.С.Трубецкой и кризис евразийства // Славяноведение. 1995. № 4. С. 95. Подобных ситуаций выбора можно обнаружить достаточно много – и в переписке отцов основателей движения, и, особенно, в историях с «отщепенцами» - Г.Флоровским, П.Биццли и др., которые, кстати, и после выхода из движения сохранили по отношению к нему определенные симпатии.

¹⁰ Бассин М. Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 277-311. Критику географических представлений евразийцев см. также: Каганский В.Л. Кривда и правда евразийства. Смысл и статус евразийской концепции пространства России // Общественные науки и современность. 2003. № 4-5.

¹¹ Следует оговориться, что благодаря В.П.Никитину, бывшему послом в Иране, эта страна занимала особое место в «восточном самоопределении» евразийства. Подробнее о значениях «Азии» и «Востока» см. в книге: Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или мысли о величии империи. М., 2004.

щей конъюнктурой - большее или меньшее значение. Иначе и не могло быть, если мы примем во внимание разноплановость целей, определявших деятельность евразийцев, которые были заинтересованы в эмансипации сознания интеллигенции и получении массовой поддержки, сотрудничестве с белогвардейскими лидерами и помощи западных спонсоров, контактах с советским руководством и признании со стороны церкви. Вместе с тем резонанс, вызванный их выступлениями, свидетельствует о том, что им удалось предложить новые способы определения ситуации. И это возвращает нас к вопросам о том, какой смысл делам и наследию евразийцев может быть придан сегодня, какие критерии адекватности могут быть предъявлены современным интерпретациям евразийства.

Попытка устранить внутренние напряжения и привести разнородные идеи в систему, на основе которой тесно сплоченное движение боролось бы за осуществление тотальных проектов вроде идеократии, довольно быстро – уже в конце 1920-х - привела классическое евразийство к распаду. Современным последователям евразийства, похоже, ничего подобного не грозит, хотя со времени его реабилитации в конце 1980-х – начале 1990-х годов евразийская идея уже пережила череду падений и взлетов интереса к ней.

Евразийство сегодня воспроизводится на совершенно других основаниях и посредством совершенно других механизмов. Оно оказалось востребовано государственными и партийными элитами на постсоветском пространстве, претерпевая, таким образом, своеобразную эволюцию. Обозначая прагматические задачи¹², евразийство одновременно становится ориентиром в поисках культурной идентичности и исторической легитимации. В случае государственного евразийства в Казахстане, Татарстане и Башкортостане, как справедливо отмечает М.Ларюэль, мы наблюдаем процесс конструирования идентичности теми народами, которые для интеллектуалов 20-х годов были лишь *объектом* их дискурса о Востоке¹³. В этом изводе неоевразийства, главным авторитетом для которого выступает Л.Н.Гумилев¹⁴, а вовсе не классические евразийцы, конструирование героического прошлого сочетается с апелляциями к общечеловеческим (европейским) ценностям и установками на достижение экономической конкурентноспособности¹⁵.

¹² Так, например, 19 сентября 2003 года на встрече в верхах, состоявшейся в Ялте, было подписано

соглашение о создании Евразийского экономического союза, объединившего Россию, Украину, Казахстан и Белоруссию. См. об этом также Головкин А. Феникс-бренд // Политический журнал. 2005. № 3. www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=2886&issu.

¹³ См. об этом напр.: Ларюэль М. Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология. http://www.iicas.org/articles/KrSt_24_03_00.htm; Vinkovetsky I. Eurasia and Its Uses: The History of an Idea and the Mental Geography of post-Soviet Space. http://www.princeton.edu/~restudy/soyuz_papers/Vinkovetsky.pdf.

¹⁴ Именем Л.Н.Гумилева назван Казахский национальный университет, на базе которого создан научно-исследовательский институт изучения евразийства, проводятся международные евразийские научные форумы. О других советских источниках казахского евразийства см.: Ram H. Imagining Eurasia: The Poetics and Ideology of Olzhas Suleimenov's AziIA // Slavic Review. 2001. Vol. 60. No. 2. P.289-311.

¹⁵ Показательно, что моделью Евразийского союза для Н.Назарбаева становится ЕС. См. Будет

Декларации о толерантности и мирном сосуществовании этносов и признании русской культуры часто сочетаются здесь с утверждениями об особой «срединности» своих народов и значимость их миссии в прошлом и настоящем «срединного континента». Препарированное таким образом евразийство принципиально отличается по своим установкам от классических образцов и функционирует уже в другой «восточно-западной» перспективе – перспективе внутренних тюркско-исламских идеологических контроверз¹⁶. Значение этой идеологической работы исследователям, похоже, еще предстоит оценить.

Евразийство является значимым символическим ресурсом и в пространстве общероссийской политики. Будучи актуализировано в начале 90-х годов в качестве одного из лозунгов оппозиции, оно сегодня эксплуатируется целым рядом конкурирующих институций и фигур¹⁷. Наибольшего политического и медийного успеха удалось добиться А.Дугину. Он сегодня является не только достаточно активной медиаперсоной и воспринимается как один из наиболее влиятельных евразийских идеологов, но и создателем Евразийского движения, перешедшего в 2000-2001 из рядов оппозиции к поддержке государственной линии В.В.Путина. Созданная на его основе партия «Евразия» имеет ряд печатных и Интернет-изданий, свой университет и свое молодежное движение, свой краткий курс и даже свой – «дугинский» - зачет. Ее политическая стратегия определялась следующим образом: «Наша цель - не прийти к власти и не бороться за власть, наша цель - бороться за влияние на власть. Это разные вещи. Партийная модель предполагает определенный шантаж власти. Партии могут покинуть заседание Государственной Думы, могут поставить ультиматум, могут отклонить нужный исполнительной власти закон. Это форма торга. Нам кажется, что такая, свойственная Западу, форма демократии в российских условиях порождает лишь клановость и коррупцию. По большому счету следовало бы весь парламент сделать беспартийным и пропрезидентским (к чему мы, похоже, скоро придем), своего рода "законодательным отделом" при администрации президента. Мы полагаем, что действительно эффективное влияние на власть должно проходить по другим каналам и схемам. Мы должны выдвигать обоснованные евразийские проекты, предлагать эти проекты российскому руководству...»¹⁸. Выяснение того,

ли создан Евразийский союз? <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1252>.

¹⁶ См. об этом в работах В.А.Шнирельмана. Напр.: Шнирельман В.А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. М., 2000. С. 12-33.

¹⁷ Краткий курс. Обзор евразийской идеологии (основные понятия, краткая история). <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=225> Ср. также Радышевский Д. Соблазн евразийства. http://www.iicas.org/articles/library/libr_rus_16_05_01.htm. Достаточно подробный обзор постсоветского евразийского движения см.: Самохин А.В. Исторический путь евразийства как идейно-политического течения (ч.2) // Восток. 2004. № 3(15). http://www.situation.ru/app/j_artrp_317.htm. О расколе в евразийском движении см.: Резолюция внеочередного Съезда Политической партии «Евразия» от 05.02.2004. <http://www.evraziarus.ru/showart.php?section=documents&id=12>.

¹⁸ Дугин А.Г. Евразийство: от философии к политике // Независимая газета. 2001. 30 мая. http://www.ng.ru/ideas/2001-05-30/8_philosophy.html. Об ответном государственном признании

как функционируют эта и другие евразийские институции требует специального исследования, которое, как представляется, могло бы прояснить и проиллюстрировать специфику политического *отчуждения* в российском обществе¹⁹. Оставляя эту задачу специалистам по политическому анализу, обратимся к идеологической характеристике современного евразийства.

Востребованность евразийства связана с продвижением имперской идеологии²⁰. Краеугольным камнем ее является тезис о цивилизационной особости и культурном величии России-Евразии и противостоянию ее агрессии атлантического Запада, под которым имеются в виду США. «Совсем упрощая, можно сказать, что евразийство – это синтетически интегральный антиамериканизм. Любые формы зазора в отношении к Америке, от кого бы они ни происходили, капитализируются в евразийство»²¹. Показательно в этом не только то, что объектом критики выступает теперь уже не Европа, а Америка, но также и то, что критика ее как источника модернизации и глобализации осуществляется не только от имени традиции и культуры, но и от имени обездоленных классов²².

Евразийской партии можно судить уже хотя бы потому, что по данным партийного сайта, в создании партии участвовал Г.А.Селезнев, а в Высший Совет Международного «Евразийского Движения» в начале 2000-х годов входили министр культуры России А.С.Соколов, помощник президента РФ А.А.Аслаханов, вице-спикер Совета Федерации ФС РФ А.П.Торшин, председатель Международного комитета Совета Федерации М.В.Маргелов, Верховный муфтий Центрального Духовного Управления мусульман России и Европейских стран СНГ Т.С.Таджуддин и др.

¹⁹ Известные нам исследования посвящены, главным образом, анализу неоевразийства как одной из версий российского ультранационализма и неофашизма. См. напр.: Умланд А. Три разновидности постсоветского фашизма: концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации русского ультранационализма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2006. № 2. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss6.html> (здесь же библиография вопроса).

²⁰ О соотношении евразийства и неоевразийства см.: Bassin M. Eurasianism «Classical» and «Neo»: The Lines of Continuity // Slavic Eurasian Studies. 2008. No. 17. P.279-294. http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no17_ses/14bassin.pdf.

²¹ Выступление А.Дугина в дискуссии из серии «Проекты для России» в информационном агентстве «Росбалт» 16 марта 2005 г. <http://www.rus-crisis.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=391&POSTNUKESID=075bb77c842a7fe1da424a17d37b57b6>. Последний всплеск антиамериканских представлений был связан с волной «цветных» революций на постсоветском пространстве. Приведенная цитата показывает каким образом в современном евразийстве вторичность Востока достигает своего логического предела. Справедливости ради нужно отметить, что изоляционизм и политический антиамериканизм подпитывается не только внутренними, но и внешними импульсами. Одним из наиболее показательных примеров в этом отношении является книга З.Бжезинского «Великая шахматная доска» (М., 2005), где излагается, в частности, стратегия установления американской гегемонии над евроазиатским материком.

²² Это было характерно, в частности, для неоевразийства А.С. Панарина. «Задача состоит в том, чтобы, во-первых, сопоставить значимость и эффективность цивилизационной и социальной идей современного евразийства, то есть соответственно, солидарности народов как автохтонов Великой Евразии, которых пытаются лишить идентичности, атлантизировать и вестернизировать, и социальной солидарности обездоленных евразийских низов, преданных своими компрадорскими элитами и лишаемых всех социальных прав и завоеваний. Во-вторых, чтобы оценить взаимную совместимость этих двух идей». См. Панарин А.С. Россия в социокультурном пространстве. <http://filgrad.narod.ru/texts/panarin33.htm>. О Панарине см. напр.: Pursiainen С. Eurasianism and Neo-Eurasianism: The Past, Present, and Postmodernity of a Russian Integration

За Россией закрепляются значения культурного многообразия, но, одновременно, и органического единства, обусловленного принадлежностью к единой цивилизации, особой духовности и приверженности ценностям традиции. При этом зачастую утверждение этого единства превращается в апологию русской культуры, что было характерно и для классического евразийства, но в современной российской ситуации может оборачиваться проявлениями жесткой ксенофобии, дискредитирующей все утверждения о культурном многообразии²³. Политическим выражением описанного выше образа России признается сильное государство, выражающее волю народа, своего рода империя без насильственной экспансии²⁴. Этим определяется и историческая проекция евразийской идеологии, допускающая разночтения относительно оценки отдельных периодов (в частности, советского), однако сохраняющая безусловную приверженность великодержавным ценностям.

Важным *политическим* фактом, определяющим бытование евразийства в российском обществе, является его принадлежность к пространству «интеллектуальной доксы» - «общего мнения», разделяемого учеными, политиками и журналистами, в котором идеологические конструкции «опривычены» до состояния очевидности²⁵. Цивилизационный подход вкупе с государствоцентризмом является сегодня важнейшей идеологической структурой, обеспечивающей формирование идентичности российских граждан²⁶. В этом смысле партийное евразийство является лишь одной из верхушек айсберга, паразитируя на институционально

Ideology // Ulkopoliittinen Instituutti Working Papers. 1998. No. 5.

²³ Наиболее скандальным проявлением этой тенденции было участие Евразийской партии в организации фашистской демонстрации, прошедшей в Москве в День народного единства 4.11.2005.

²⁴ В направлении постколониальной рефлексии развиваются и наиболее взвешенные версии неоевразийства, например, версия Б.В. Межуева, который пишет «Евразия — это пространство, свободное от глобальной иерархии, это не империя в старом смысле, а многонациональное сообщество, в котором нет политического разделения между привилегированными и непривилегированными народами. И, может быть, еще более точно, Евразия — это обозначение особого способа постколониального перехода, на который не отважилась помимо российской ни одна другая колониальная империя Нового времени». Межуев Б.В. Новое евразийство – 2 // Агентство политических новостей. 2005. 18 января. <http://www.apn.ru/publications/article1252.htm>. Очевидно попытка ограничить эту рефлекссию евразийским пространством делает данную версию несвободной от изоляционизма и государствоцентризма

²⁵ Весьма интересным и малоисследованным является сюжет, связанный с современными эстетическими проекциями евразийских идей – будь то литература в жанре фэнтези (Хольм ван Зайчик и др.), исторические романы о бароне Унгерне, последние блокбастеры о Чингисхане - «Монгол» (С.Бодров, 2007) и «Тайна Чингис Хаана» (А.Борисов, 2008), а также многочисленные произведения последних лет разрабатывающих тему неопределенного, неевропейского пространства.

²⁶ Scherrer J. Kulturologie: Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. Essen, 2003; Зверева Г.И. Новая российская историософия: риторические стратегии и прагматика // Феномен прошлого. М., 2005. С. 292-315; Зверева Г.И. Присвоение прошлого в постсоветской историософии (Дискурсивный анализ публикаций последних лет) // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 540-556; Дубин Б.В. Запад, граница, особый путь: Символика другого в политической мифологии постсоветской России // Его же. Интеллектуальные группы и символические формы. М., 2004. С. 265-266.

воспроизводимых формах знания²⁷. Здесь любые конкретные идеи и учения – евразийство в данном случае оказывается одним из наиболее удобных – предстают в адаптированных для массового потребления формах «готового знания». Неоднократные упоминания о неоднозначности классического евразийства остаются при этом чисто декларативными, поскольку оно не мыслится как достойное/требуемое диалога учение и воспроизводится как не нуждающаяся в дополнительном прояснении своих оснований и интенций концепция. Вот лишь два примера евразийской «доксы». Понятие «пассионарность» мы обнаруживаем и у казахского исследователя этносоциальной структуры кочевников, который уже не ссылается ни на классических евразийцев, ни даже на Гумилева, бывшего приверженца, а ныне оппонента, атакующего евразийство с позиций исламского фундаментализма, - Г.Джемаль²⁸. Второй пример касается традиционного для евразийства сюжета о «цивилизационном выборе» Александра Невского между Европой и Ордой. Обращение к этому сюжету в одном из недавних трудов, выпущенных фондом «Либеральная миссия» в серии, не позволяет либеральным теоретикам предложить читателю способ исторической рефлексии, который бы недвусмысленно отличал их от оппонентов²⁹.

В этой ситуации образ евразийской интеллектуальной традиции оказывается внутренне недифференцированным, «завершенным». Вот яркий пример подобной интерпретации: «Евразийство имеет глубокие российские исторические корни. Есть мнение, что первым государственным деятелем, на практике реализовавшим евразийские идеи, был Александр Невский. Однако, как сформулированная система идей, евразийство насчитывает более ста тридцати лет. За этот период принципиально менялась историческая, социальная, геополитическая картина мира, появлялись и исчезали государства, сменялись политические системы, но евразийство, как оказалось, не умерло. Евразийские идеи в различных вариантах за это время появлялись, угасали и снова возрождались несколько раз. Это было в 70-х годах позапрошлого века (Н.Я. Данилевский и др.), затем в 20-30-х годах XX века (евразийцы из русской эмиграции) и, наконец, сегодня на рубеже нового

²⁷ Содержательный анализ деятельности успеха А.Дугина в интеллектуальном поле см. в: Соколов М.М. Новые правые интеллектуалы в России: Стратегии легитимации // *Ab Imperio*. 2006. № 3. С. 321-354. При этом очевидно, что рассмотрение Дугина как евразийца дает несколько иную перспективу, чем сопоставление его с концепциями западных новых правых. С этой точки зрения Дугин опирается как раз на важнейший интеллектуальный ресурс, который в большой степени определяет состояние политологии, социологии, культурологии и других гуманитарных дисциплин в России. Несмотря на прогноз автора статьи, Дугин, похоже, укрепил свои позиции в интеллектуальном поле, став директором Центра консервативных исследований социологического факультета МГУ. Для нас также важно и то, что им совместно с издательством «Аграф» была реализована программа по переизданию трудов евразийцев.

²⁸ См. Артыкбаев Ж.О. Кочевники Евразии. В калейдоскопе веков и тысячелетий. СПб., 2005; Джемаль Г. Судьба понятий: Евразийская геополитика в роли «национальной идеи» России // *Завтра*. 2001. № 24. С. 7.

²⁹ См. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало. М., 2005. С. 195-196.

тысячелетия. Все эти три периода имеют общие черты»³⁰. Другим проявлением описываемой тенденции является некритическая идентификация Л.Н.Гумилева, труды которого сегодня расходятся миллионными тиражами, как законного наследника классического евразийства³¹. Не в последнюю очередь благодаря Гумилеву современное евразийство легко поддается интерпретации в естественно-научных терминах, что в определенной перспективе добавляет ему «объективности» и идеологической валидности. Вот один из наиболее ярких примеров такого синтеза: «*Маятник (циклозодатчик) колебаний напряженности Истории здесь в Российской Евразии есть маятник напряженности всего мира. Данная закономерность (в моей оценке – геополитический закон) отражает особую функцию "российско-евразийского континента" (приблизительно в границах СССР или Российской империи) как центра геополитического (геополитического) равновесия / неравновесия мира (выделения авторские – Б.С.)*»³². Кроме того, в неоевразийстве идеи классического евразийства подвергаются обобщению посредством интерпретации их в контексте других цивилизационных теорий³³, геополитической учений³⁴, традиций «консервативной революции», концепций европейских традиционалистов и «новых правых», теории ноосферы В.Вернадского, теории конвергенции А.Д.Сахарова и проч. М.Ларюэль справедливо отмечает,

³⁰ Орлова И.Б. Контуры современной евразийской концепции. <http://www.ispr.ru/Confer/EuroAsia/confer9-1.html>

³¹ См. об этом напр.: Ларюэль М. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или о противоположности Л.Н.Гумилева и П.Н.Савицкого // Евразия. Люди и мифы. М., 2003. С. 50-65; Панарин С.А., Шнирельман В.А. Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? // Вестник Евразии. 1996. № 3(10). С. 5-37. Вместе с тем сегодня существует целый ряд институций и изданий, оправдывающих свои научные и политические ориентации отсылкой к идеям Л.Н.Гумилева. Таковы, например, Центр этнологии им. Л.Н.Гумилева при НИИ географии СПбГУ и геополитический журнал «вестник» см. <http://www.e-journal.ru>. Девизом последнего стала фраза Гумилева «Если Россия возродится, то только как Евразийская держава, и только через евразийство». О Гумилеве как бренде книжного рынка можно судить по выходящей в издательстве Эксмо серии «Тайна Льва Гумилева», где публикуются труды авторов, представляющих себя продолжателями идей «последнего евразийца». Вместе с тем показательно, что статья Л.Н.Гумилева, кстати, предваряет академическое издание евразийских трудов Н.С.Трубецкого.

³² Субетто А.И. Российское евразийство в контексте второй волны глобальной цивилизационной социалистической революции. <http://www.trinitas.ru/rus/000/z0012001-04.htm>. О других формах подобного синтетического знания см. напр. Степанов Б.Е. В поисках границ Универсума: региональная интеллектуальная среда в эпоху перемен // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских культурологов. М., 2002. С. 378-415

³³ Евразийцы оказываются – наряду с Данилевским и Леонтьевым – главными представителями цивилизационного подхода в отечественной традиции. При этом сами неоевразийцы могут выступать с критикой отдельных цивилизационных теорий. Ср. например, критику А.Панариным концепции С.Хантингтона. См. Панарин А.С. Россия в социокультурном пространстве. <http://filgrad.narod.ru/texts/panarin33.htm>

³⁴ Проблема отношения евразийства к становлению геополитики пока должным образом не исследована. Свидетельства о знакомстве евразийцев со взглядами классиков геополитики Х.Дж.Маккиндера, К.Хаусхофера достаточно неопределенны. Анализ интерпретаций Евразии в геополитической традиции см. в Цымбурский В. Две Евразии: омонимия как ключ к идеологии раннего евразийства. // Евразия. Люди и мифы. М., 2003. С. 22-49. Попытку представить евразийскую идеологию как геополитическую подоплеку отношений Советской России с Западом

что геополитика в смысле разработки географической идеологии, «не является главным элементом легитимации евразийства». Однако, помимо того, что евразийство более других идеологий тяготеет к географическим и квазигеографическим категориям, нужно отметить, что и сама геополитика также может быть редуцирована до меток («атлантистский», «континентальный» и проч.), отсылающих к идее противостояния цивилизаций и жесткому, нерелексивному цивилизационному детерминизму. Для современных евразийцев не имеет самостоятельного значения и религиозная составляющая учения. В качестве одной из характеристик цивилизационных типов она становится своего рода эрзац-религиозностью, от впадения в которую предостерегал в свое время классических евразийцев Г.В.Флоровский, критикуя сведение религии к «культурно-бытовой подробности»³⁵. Это, пожалуй, один из наиболее ярких примеров того, как защита Традиции оборачивается ценностным релятивизмом³⁶. Вместе с тем, применительно к России упоминание о религиозности функционирует как «метка» «особой духовности». Десубъективированное воспроизводство под именем «евразийства» общих мест цивилизационного и геополитического подходов может сочетаться с манипуляциями традиционалистской экзотикой. Функционируя по законам «формульных повествований», евразийство как часть интеллектуальной доксы обеспечивает воспроизводство антропологической конструкции, которую Л.Д.Гудков обозначил как «русский неотрадиционализм», выступающий одной из форм характерной для постсоветского общества негативной идентичности³⁷.

Нельзя сказать, чтобы эта ситуация не становилась предметом критической рефлексии. Целый ряд авторов (Г.И.Зверева, В.А.Шнирельман, М.Ларюэль и др.) и изданий («Вестник Евразии», «Этнографическое обозрение» и др.) обращались к критике рутинизированного евразийства, указывая на его *симптоматичность* – как в отношении доминирования в российском обществе немодернизированных, государственно-традиционалистских форм социальности и соответствующих типов политического и исторического самопонимания, так и в отношении имитации научности, которая свидетельствует о слабости гуманитарной саморефлексии, не способности ее к различению науки и идеологии. Я ни в коей мере не хотел бы преуменьшить значения этой диагностической работы, однако

см. в: Молодяков В.Э. Тайный сговор, или Сталин и Гитлер против Америки. М., 2008.

³⁵ См. Флоровский Г.В. Соблазн евразийства // Мир России-Евразия. М., 1995. С. 378.

³⁶ Кроме того, важно отметить, что в классическом евразийстве присутствовала критика псевдо-традиционализма.

³⁷ См. об этом: Гудков Л.Д. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Его же. Негативная идентичность. М., 2004. С. 650-687. Следует отметить, что принадлежность евразийства к пространству «интеллектуальной доксы» можно обнаружить и в более рафинированных формах апелляции к «Евразии», например, в использовании этого понятия в качестве рамки, объединяющей исследователей культур Центральной Азии и Сибири, которое часто тяготеющие к реификации евразийского духа. См. напр.: Евразийское пространство: звук, слово, образ. М., 2003; Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М., 2004. Речь в данном случае идет не об отдельных статьях, но о способах легитимации подобных сборников, определяющих рамки научности и, соответственно, принципы включения и исключения тех или иных материалов.

хотел бы отметить что здесь существует опасность стать заложником собственного диагноза. Речь идет о том, что правильная по сути критика рутинизированности и отчужденности современного евразийства оказывается ограниченной в том смысле, что поддерживает все тот же однозначный образ этой интеллектуальной традиции, ссылая ее в своего рода интеллектуальное гетто. Представляется важным, обозначая функционирование евразийства в рамках популярной историософии понятием «присвоение прошлого», нужно не забыть о том, что и сама историческая наука тоже является присвоением прошлого, правда, ориентирующимся по совершенно иным правилам, нежели идеология.

Предваряя характеристику состояния исследований классического евразийства, хотелось бы еще раз оговориться, что эта характеристика поневоле будет достаточно утрированной³⁸. Тем не менее, даже беглый взгляд дает основания говорить о том, что на постсоветском пространстве эти исследования носят преимущественно рутинный характер. Возвращение евразийства в актуальный культурный горизонт на волне интереса к наследию серебряного века и эмиграции практически не привело дальнейшему превращению его в объект теоретической рефлексии. В очень малой степени можно говорить о формировании сообщества исследователей и диалоге национальных традиций³⁹. Несмотря на довольно большое количество архивных фондов (среди наиболее известных – Фонд П.Н.Савицкого в ГАРФ (Москва), архив П.П.Сувчинского в Национальной Библиотеке (Париж), коллекция Г.В.Вернадского в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк), коллекция В.Аллоя в Библиотеке-фонде «Русское-за-рубежье» и др.), их освоение пока не имеет систематического характера: архивные публикации и исследования, основанные на привлечении архивных документов составляют ничтожно малый процент того огромного массива текстов, которые так или иначе апеллируют к наследию евразийцев 1920-х годов⁴⁰. Это означает, что пока не воссоздана социальная история движения, не изучен в достаточной степени процесс формирования концепций евразийцев в связи с различными обстоятельствами их жизни и контекстами их деятельности⁴¹. Очевид-

³⁸ Проницательный анализ новейших исследований по этой теме можно найти в статье С.Глебова. Glebov S. Wither Eurasia? History of ideas in imperial situation // *Ab Imperio*. 2008 №2 P.345-375

³⁹ В связи с этим хотелось бы отметить уже упоминавшийся подготовленный библиографический обзор «О Евразии и евразийцах», подготовленный А.В.Антощенко, где представлены американские и немецкие труды, посвященные классическому евразийству. Что касается актуального диалога, то здесь нельзя не указать на деятельность журнала «*Ab Imperio*», посвятившего целый ряд тематических выпусков обсуждению интересующей нас проблематики. Справедливости ради нужно сказать, что отсутствие систематического интереса к созданным в других национальных научных традициях трудах о евразийстве характеризует не только отечественных ученых, но также и их западных коллег.

⁴⁰ С сожалением приходится признать, что и архивные публикации очень часто замкнуты в рамках собственного архива, исследовательской традиции, дисциплины, что опять-таки не способствует формированию общего информационного поля.

⁴¹ Нельзя не согласиться с С.Глебовым в отношении того, что история движения по-прежнему остается слабым местом даже наиболее систематических трудов посвященных евразийству. См

но, что в этой ситуации образ евразийства будет слабо дифференцированным, а главными стратегиями его изучения будут систематизация и идеологическая критика, представленные преимущественно в формах биографического нарратива и очерка учения. Обе формы характеризуются имманентным анализом работ отдельных евразийцев или учения в целом⁴². При этом не вводятся ни научные, ни какие-либо другие интеллектуальные контексты, не ставится вопрос об отношении этих концепций к современному состоянию научного знания. При этом интеллектуальным горизонтом осмысления является русская философская традиция. Напряжение между политикой и наукой в деятельности евразийцев здесь или вообще не акцентируется⁴³, или приобретает форму противопоставления «грязной» политики, «чистой» интеллектуальной работе⁴⁴, причем в некоторых случаях это происходит в форме разделения на «чистых» и «нечистых» евразийцев⁴⁵. Устойчивость описанных выше стратегий свидетельствует как об отсутствии у исследований евразийства достаточно эффективного противоядия в отношении неоевразийства, так и о трудностях выхода этих исследований за пределы традиционной критики идеологии.

Вместе с тем, мы не можем не отметить произошедших в последние годы позитивных сдвигов. Для их характеристики мне представляется полезным проанализировать два примера, которые – каждый по-своему — представляют *иные* способы научного высказывания о евразийстве. Мне бы не хотелось тем самым умалить достоинства других примеров продуктивного исследования евразийства, однако именно эти примеры на мой взгляд позволяют более отчетливо указать на возможности рефлексивного его присвоения и способы соотнесения науки и идеологии, являющиеся залогом превращения евразийства в объект интеллектуальной истории.

напр.: Glebov S. *Wither Eurasia?* P.375.

⁴² См. напр.: Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь»? Петрозаводск, 2003; Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». М., 1997. Этот же недостаток характеризует и наиболее обстоятельную и теоретически фундированную книгу о евразийстве: Ларюэль М. Идеология Русского евразийства, или мысли о величии империи. М., 2004.

⁴³ И здесь академический автор вполне может совпасть с Дугиным, а последний – получить место в традиции изучения евразийства, как это случилось в старательно сделанной монографии В.Ю.Быстрякова о П.Н.Савицком. см.: Быстряков В.Ю. В поисках Евразии. Общественно-политическая и научная деятельность П.Н.Савицкого в годы эмиграции (1920-1938). Самара, 2007.

⁴⁴ Это касается даже таких рефлексивных опытов как статья: Аверинцев С.С. Несколько мыслей о «евразийстве» Н.С.Трубецкого. Опыт беспристрастного взгляда // Новый мир. 2003. № 2. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/2/aver-pr.html. Замечательным исключением в этом отношении является доклад С.Глебова «In Search of Non-Eurocentric History: Russia, Eurasia and Mongol-Bolshevik revolution» на конференции «Locating "Eurasia" in Postsocialist Studies: The Geopolitics of Naming» (April 27-29, 2007). http://www.princeton.edu/~restudy/soyuz_papers/Glebov.pdf.

⁴⁵ См. напр.: Соболев А.В. Своя своих не познаша: Евразийство – Л.П. Карсавин и другие (конспект исследования) // Начала. 1992. № 4. С. 49-58.

В качестве первого из них выступает книга швейцарского исследователя П.Серио «Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-30-е гг.». В качестве объекта исследования автор выбирает маргинальный с точки зрения большинства систематизаций евразийства сюжет – евразийское языкознание, рассматриваемое им в связи с проблемой формирования структурализма в Пражском лингвистическом кружке, участниками которого, как известно, были Н.С.Трубецкой и Р.О.Якобсон⁴⁶. Их разработки в области фонологии и сравнительного языкознания получили широкий резонанс на лингвистических конгрессах 20-х – 30-х годов и оказались в некотором смысле более влиятельными, нежели «генеральная линия» структурализма, идущая от Ф. де Соссюра. Подробная реконструкция их концепций позволяет по-новому ответить на вопросы о степени преемственности и значении разрыва с предшествующей лингвистической традицией, осуществленного структурализмом, о том, насколько этот разрыв, с одной стороны, предполагал новое понимание языка в его отношении к природе, обществу и культуре, а с другой стороны, был обусловлен спецификой русской науки, на которую неоднократно ссылались евразийцы, и особенностями их жизненной ситуации и научного мировоззрения⁴⁷. Такая постановка вопроса делает необходимым рассмотрение проблематики идеологии внутри границ науки, что невозможно без применения более гибкого подхода, отказа от апелляций к общим местам («структурализм», «русская наука» и т.п.) и жесткого культурного детерминизма. «Не существует такой национальной науки, которая определялась культурой раз и навсегда и представляла как замкнутая целостность. Существуют скорее *основные* варианты *выбора* между различными способами построения объекта познания (например, синтетическим и аналитическим): они не застыли навеки, но постоянно изменяются, опираясь друг на друга, хотя в тот или иной период, в той или иной научной среде, в той или иной стране они являют нам тот или иной набор преобладающих черт»⁴⁸. Тем самым обращение к евразийству приобретает не только сугубо антикваристский, но и вполне актуальный *теоретический* смысл, связанный с ревизией существующих научных моделей и выявлением лежащих в их основании гипотез и метафор. Не менее важно и то, что идеология/наука в данном случае исследуются не как ставшие, но в процессе формирования, в реальных и виртуальных диалогах, перекличках и спорах основных персонажей книги - Н.С.Трубецкого, Р.О.Якобсона и П.Н.Савицкого – как между собой, так и с другими лингвистами – классиками и современниками.

⁴⁶ Нужно сказать, что филологи и лингвисты более активно обращаются к наследию Трубецкого, нежели представители других дисциплин - к нему или к другим евразийцам. См. напр.: Н.С.Трубецкой и современная филология. М., 1994; работы О.С.Широкова, В.П.Нерознака и др.

⁴⁷ Ср. об этом: Дмитриев А. Национализация науки и фактор эмиграции: русские гуманитарии в Германии (1920-е – 1930-е гг.) // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 211-256.

⁴⁸ Серио П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-30-е годы. М., 2001. С. 57.

Отношения «Евразии» и лингвистики рассматриваются П.Серио в двух взаимосвязанных между собой планах. Во-первых, речь идет о лингвистическом изучении «Евразии» и о том, какую роль лингвистические построения играли в формировании самой этой конструкции. Во-вторых, анализируется вопрос о значении принадлежности к евразийству для самоопределения ученых в пространстве науки о языке. Евразийская идеология изучается не сама по себе, но в отношении к научному проекту - концепции евразийского языкового союза. Это дает возможность проанализировать как она проявляется в горизонте конкретной исследовательской работы. Подробное описание того, каким образом построения Якобсона в области фонологии – науки об абстрактных (неэмпирических) смысле-различительных единицах языковых систем – проецируются в область изучения фонетических признаков, присущих эмпирическим языкам, и получают географическую интерпретацию, приводит исследователя к целому ряду интересных наблюдений. Евразийское языковое пространство обнаруживает удивительную симметрию, имеет центр и периферию, причем обитателями последней предсказуемо оказываются языки Западной Европы. Лингвистическая карта Евразии демонстрирует нам целостность, в которой сходства даже пространственно-удаленных друг от друга языках распределены и возникают системно, в соответствии с имманентной целесообразностью. Конечной причиной этой целесообразности является включенность этого языкового союза в целое евразийского месторазвития. «У Якобсона и Савицкого...месторазвитие и совокупность языков образуют целостность, внутри которой сходства языков объясняются не их взаимонаправленными контактами (как при билингвизме), но их совместным пребыванием в некоем "особом мире"»⁴⁹. Воспринятая Якобсоном у Савицкого концепция месторазвития как своего рода «географического индивидуума» была основана на отрицании причинных взаимосвязей и «поиске *соответствий* между явлениями различных естественных наук (метеорология, ботаника, почвоведение) и общественных наук (этнология и антропология, языкознание, "культурология" в широком смысле слова) для построения «нового образа мира»⁵⁰. Показательно при этом, что в определении границ Евразии как месторазвития П.Н.Савицким и Р.О.Якобсоном происходит взаимоналожение чисто географических факторов с политическими (граница СССР) и конфессиональными (граница православного мира) и – таким образом формируется претендующее на научность обоснование излюбленных евразийских идей - отторжения Запада и особенности

⁴⁹ Серио П. Структура и целостность. С. 239.

⁵⁰ См.: Серио П. Структура и целостность. С. 241. Интересно отметить, что характеризуя консенсус Савицкого и Якобсона, Серио отмечает как их взаимопонимание («Географ обнаруживает у лингвиста новые факты, подтверждающие его теорию месторазвития, а лингвист использует теорию месторазвития для осмысления собранного им материала»), так и фактор непонимания ими существенных разногласий между их подходами: «Между Савицким и Якобсоном идет удивительный диалог глухих, вроде игры, в которой непонятно, кто собственно притворяется, будто не понимает, что говорит другой». См.: Серио П. Структура и целостность. С. 240-247.

России-Евразии. Анализ взаимосвязи географических и лингвистических аспектов евразийства в книге П.Серио подводит читателя к пониманию предпосылок того синтетического взгляда на мир, который развивали три главных героя книги, стремясь дать научное определение Евразии, и, одновременно, к принципиальному отличию этих предпосылок от принципов Соссюровского структурализма. «...если в структурализме (Соссюра – Б.С.) смысл терминов обусловлен их взаимоотношениями, то мир Трубецкого, напротив, строится из множества полновесных сущностей, живых целостностей, подлинную природу, которых требуется обнаружить. В евразийской культуре все взаимосвязано: музыка, орнамент, душевный склад, язык. Вряд ли у Соссюра можно найти мысль, что орнамент связан с языком. Ключ к пониманию в данном случае – это оппозиция между *гибридизацией* (механической) и *конвергенцией* (органической), позволяющей противопоставить искусственность всего, что приходит с Запада, естественности того, что приходит с русского Востока»⁵¹. В качестве легитимации этих поисков синтеза у евразийцев формировалась особая программа синтетического знания – персонологии, в которой междисциплинарность сочеталась бы с глубиной и цельностью знания о реальности.

Очень важным, однако, представляется то, что внятность критической позиции автора книги не является единственным достоинством книги и научные поиски евразийцев описываются не только в негативном ключе. П.Серио не ограничивается демонстрацией того, как Трубецкой и Якобсон, провозглашая структурализм, не выдерживают строгости структуралистского анализа и впадают в натурализм, или того, к каким подменам ведет их логика построения целостного знания, или же, наконец, того какие возникают несоответствия между эмпирическими данными и их теоретическими выкладками. Он одновременно показывает и то, что несмотря на свою политическую ангажированность, выдвинутая евразийцами идея языкового союза представляла собой вполне актуальный научный продукт, поскольку вытекала из основополагающих для лингвистики дискуссий о понимании языка, о происхождении, взаимодействии и эволюции существующих в мире языков. Отправной точкой для формулирования этой идеи стали критика лингвистического натурализма, заключавшегося в объяснения языковых процессов через поиски праязыка или выявление универсальных законов, и поиски модели, которая позволила бы объяснить взаимодействия языков. Описывая эти поиски, автор книги представляет читателю конкуренцию различных объяснительных моделей в языкознании конца 19-ого - начала 20-ого века. Тем самым

⁵¹ Серио П. Структура и целостность. С. 230-231. Ср. показательную характеристику русского языка как «органически-евразийского» в письме Савицкого Якобсону от 9 августа 1930 г.: «Материк Евразии имеет многотысячную историю, и в то же время этот материк есть нечто творимое. Русский народ создает новую Евразию. Его распространение в последние века шло таким темпом, что, что евразияция все больше подходит к обрусению (не в насильственном, а в органическом смысле свободы и выбора). И смотрите какая картина: русский язык обнял чуть ли не всю Евразию. Он, насколько могу понять, характернейший евразийский язык». Цит. по: Серио П. Структура и целостность. С. 248.

евразийство оказывается осмыслено в контексте эстетики порождения знания, включено в интригу дисциплинарной инновации, образуемую борьбой метафор, заимствованием образов из других областей знания. Так, сопоставляя евразийство и концепцию Н.Я.Марра и его последователей, Серิโอ пишет: «И те и другие ставили под вопрос понятие индоевропейского праязыка и стремились построить типологию негенетическую – не унаследованную, а приобретенную. И те и другие чувствовали дух времени, отвергая идею генетического родства языков и тщательно исследуя проблему границы – внутри которой, несмотря на все различия, мы все еще находимся в пределах того же самого, а вне которой несмотря на все видимые сходства, мы уже находимся в области Другого»⁵². Эта цитата возвращает нас к проблематике идентичности, своего и другого, для анализа которой деятельность евразийцев оказывается благодатным материалом. Исследование П.Серิโอ позволяет увидеть, как в этой деятельности соотносятся политический выбор, дисциплинарное самоопределение, поиск способа конструирования предмета исследования и каким образом результатом этих выборов оказывается ограниченность, но, одновременно, и специфика пражского структурализма. Интересно, что и базовая оппозиция, в рамках которой осмысляются эти выборы, оппозиция структуры и целостности не предполагает в авторской трактовке однозначной оценки евразийства. Критика с позиций методологической строгости компенсируется позитивной оценкой в контексте истории гуманитарного знания: «понятие органической целостности оказывается одновременно и эпистемологическим препятствием, и необходимым подступом к понятию структуры (через посредство понятия системы). То, что на самом деле произошло в лингвистике, сильно отличается от первоначальных намерений Якобсона и Трубецкого. То, что они выдавали за эпистемологическое достижение, было отказом от современности. Но само это достижение было вполне реальным: оно свершилось как бы независимо от их воли и сознания. В поисках Индии, они открыли Америку»⁵³.

Другой пример, к анализу которого мы хотели бы обратиться, не связан собственно с изучением евразийства 1920-х годов, но представляет собой интересный опыт актуализации евразийского наследия в рамках современных методологических дискуссий. В качестве этого опыта мы рассматриваем исследовательскую программу М. фон Хагена, предложенную им в статье «Империи, окраины и диаспоры: Евразия как антипарадигма для постсоветского периода»⁵⁴. Термин «ан-

⁵² Серิโอ П. Структура и целостность. С. 188.

⁵³ Серิโอ П. Структура и целостность. С. 326. Тем самым проблема соотношения инновации и стагнации в науке входит в сам сюжет исследования. О книге Серิโอ см. также Glebov S. *Wither Eurasia?*; Зенкин С.Н. Лингвистический романтизм и «русская идея» // *Русский Журнал*. 2000. 25 сентября. www.russ.ru/ist_sovr/20000925.html; Кириченко М.М. Структурализм пражского кружка и евразийство: обзор книги Патрика Серิโอ «Структура и тотальность». <http://www.nir.ru/sj/sj/sj2-01kir>; Serbat G. *L'autre face de N.S. Troubetzkoy (a propos d'un livre recent de P. Seriot)* // *Bull. de la Soc. de ling. de Paris*. 1997. Vol. 92. P. 313-321.

⁵⁴ фон Хаген М. Империи, окраины и диаспоры: Евразия как антипарадигма для постсоветского периода // *Ab Imperio*. № 1. 2004. С. 127-171. Там же см. критические отклики на статью Дж.Хоскинга, М.Бассина, М.Льюиса, Д.Макдональда.

типарадигма», присутствующий в названии этой программы, подчеркивает проблематичность любой систематической интерпретации евразийства и необходимость рефлексивного отношения к традициям евразийской мысли. Термин «Евразия» становится сегодня востребованным западными исследователями, идентифицирующими таким образом *постсоветский мир*, не замыкающийся в политических границах СССР и, тем более России⁵⁵. М. фон Хаген стремится придать использованию этого термина отчетливый методологический смысл. Это означает, что «Евразия» изначально постулируется как объект с подвижными и нечеткими границами, которые в силу этого требуют всякий раз доопределения в связи с выбранной точкой зрения. «Объектная» размытость антипарадигмы, допускающей таким образом различные сюжеты и уровни анализа, компенсируется определенностью отношения к «евразийскому наследию». Возрождая его, М. фон Хаген призывает четко дистанцироваться от антимодернизма и антиевропеизма, однозначной апологии «азиатских ценностей» и имперской государственности, к чему на разных этапах склонялись многие представители евразийской мысли.

Узловой точкой преобразования исторического воображения в рамках евразийской антипарадигмы становится проблема культурной идентификации России в контексте теории модернизации. Обращенность к постколониальной рефлексии предполагает в данном случае постановку вопросов о том, как функционирует образ России как Другого в международной политике, каким способом позиционирования ее в отношении к Востоку и Западу, Европе и Азии этот образ порождается. Анализируя опыт западной послевоенной славистики, М. фон Хаген выделяет две основные парадигмы культурной идентификации России, которые он обозначает как «Россия/Ориент» и «Советский Союз/Модернизация».

В случае первой из этих парадигм упор в культурной идентификации России делался на объяснении традиций деспотизма и экспансии. Истоки этих традиций видятся историкам в своеобразии русской культуры. Приводимая ниже цитата выявляет взаимодействие политических реалий, параметров идентификации и позиции исследователя в конструировании этого своеобразия: «В условиях взаимной изоляции и непроницаемости границ Блока (имеется в виду Варшавский договор – Б.С.), характерных для той эпохи, культура и культурные различия воспринимались как нечто чрезвычайно серьезное, но в целом считались статическими и неизменными. Советская культура чаще всего идентифицировалась как "русская", но что еще более важно – как "неевропейская". Корни советской диктатуры, таким образом, обнаруживали если не в наследии Византии и Золотой Орды,

⁵⁵ Аналогичная исследовательская рамка определяет деятельность Международного евразийского института экономических и политических исследований и ряд других западных научных институций. Интерпретацию распада соцлагеря как растожествления России и Евразии мы находим в книге ведущего эксперта фонда Карнеги Д.Тренина с характерным названием «Конец Евразии: Россия на границе между геополитикой и глобализацией» (М., 2001). <http://www.carnegie.ru/ru/print/36275-print.htm>. Ср. об этом также: Кайзер М. Евразия: социальная реальность или миф? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. №4. С. 40-58.

то уж, по крайней мере, в вековых традициях Московского царства, - точка зрения, которая подкреплялась верой исследователей – преимущественно эмигрантов и беженцев в то, что истинная Азия начинается в России (и, напротив, Германия, Польша и Украина составляют самый восточный рубеж Европы)»⁵⁶. Обратной стороной такой негативной интерпретации отличий России от Запада было то, что история нерусских наций и сообществ Российской империи и СССР оказывалась неразличимой и, как пишет фон Хаген, низводилась «до уровня сносок или заметок на полях Большого нарратива российской имперской консолидации».

Альтернативой для тяготеющей к культурному детерминизму парадигме Ориент/Россия стала парадигма Советский Союз/Модернизация, развивавшаяся преимущественно в русле социальной истории. Ее возникновение было инспирировано установкой на сближение России и Европы и демонстрацию причастности России - пусть на определенном этапе и условии ведущей роли государства – к процессу становления общества модерна. Однако при этом центральной в характеристике российской культуры становилась концепция культурной гомогенизации, которая рассматривалась как результат воздействия таких долгосрочных социальных процессов как индустриализация, секуляризация, массовая грамотность и т.п. По отношению к этим описываемым на макроуровне структурным изменениям проблематика этнических, религиозных и региональных различий оказывалась опять-таки несущественной. Яблоком раздора для представителей этой концепцией оказывался практически лишь вопрос о преемственности Советского союза в отношении к Российской империи (или – отсутствию таковой) в плане движения к Модерну.

Таким образом, несмотря на содержательную противоположность описанных парадигм, сами модели культурной идентификации оказывались схожими. Именно поэтому задача формирующейся евразийской антипарадигмы состоит в том, чтобы «частично компенсировать недостатки обеих парадигм путем ревизии принятых в исторической компаративистике конвенций осмысления сходства и различия»⁵⁷. Различия, формирующие противостояние двух парадигм, оказываются различиями *идеологическими* и, значит, - подлежащим «снятию». В этом утверждении содержится требование отказа от тех атрибутов культурно-исторического воображения, которые способствовали их воспроизводству, то есть, в первую очередь, жесткого социально-исторического и культурно исторического детерминизма. Тем самым возможность «Другого» как основания другой политики входит в самую конструкцию образа России.

⁵⁶ фон Хаген М. Империи, окраины и диаспоры. С. 136. Автор называет эту модель славянофильством с обратным знаком, однако более правильным (особенно в контексте предлагаемой трактовки границы между Европой и Азией) было бы подставить сюда классическое евразийство.

⁵⁷ Там же. С. 144.

Горизонтом предлагаемого возрождения идеи «Евразии» становится постколониальная интерпретация империй. Последняя принципиально противоположна описанному выше имперскому нарративу, который побуждает вообразить империю по национальной модели, истолковать ее как *органическое* слияние большой территории, государства и цивилизации. Последовательно развивая логику понятия империя как аналитического инструмента, постколониальная интерпретация вскрывает отличие империи от нации, которое заключается в том, что идея империи не предполагает ни территориальной определенности, ни культурной однородности⁵⁸. Аналитический потенциал этой концепции связан с тем, что она задает перспективу изучения взаимодействий сообществ, лишь относительно и на разных основаниях интегрированных в имперское политическое целое. Осмысление устойчивости подобных имперских политий предполагает не только внимание к асимметричным отношениям центра и периферии (т.е. критику обозначаемых словом «империализм» экспансии и дискриминации), но также и учетом случаев толерантного сосуществования и взаимной лояльности входящих в нее сообществ – в отношениях их как с центром, так и друг с другом, а, соответственно, и интерес к разнообразным способам формирования идентичности их членов⁵⁹. Такого рода исследования приобретают свое значение в контексте критического переосмысления государства-нации как господствующей рамки представления идентичности и интерпретации истории⁶⁰. В фокусе анализа оказываются теперь уже не только централизованные и четко структурированные социальные образования, но окраины и диаспоры, группы, находящиеся за пределами государственных ниш и пересекающие установленные границы. Это, в частности, касается и изучения классического евразийства, поскольку благодаря этому возникает и совершенно новая перспектива для осмысления русской эмиграции как пространства его существования и самоопределения⁶¹.

⁵⁸ «Империя есть принципиально разомкнутая, интенционально безграничная, устремленная к совпадению с Ойкуменой структура. Государство (национальное – Б.С.), напротив, всегда ограничено, это сообщество возникает в результате двойного тотализующего действия – включения (inclusion) «своих» людей и территорий и исключения (exclusion) чужих... Империя допускает широкое разнообразие культурных и политических практик и институтов... Государство напротив тяготеет к политической, административной и, в конечном счете (в стадии Nation-state), культурной однородности.» Каспэ С.И. Суррогат империи: о природе и происхождении федеративной политической формы // Политические исследования. 2005. № 1. С. 8; Каспэ С.И. Империя под ударом. <http://web.archive.org/web/20030726213708/www.empires.ru/docs/Kaspe.doc>.

⁵⁹ См. фон Хаген М. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 30. Специального исследования заслуживает вопрос о том, как соотносились апелляции к «истинному национализму» с апологией империи в работах евразийцев 1920-х годов. О проблематике национализма во внутриевразийских дискуссиях середины 1920-х см. Степанов Б. Спор евразийцев о церкви личности и государстве (1925-1927) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2001-2002 годы. М., 2002. С. 89-98.

⁶⁰ Как отмечает Марк фон Хаген, одним из инструментов националистической историографии может быть критика империализма, в качестве жертвы которого изображается какая-то определенная нация.

⁶¹ В отношении евразийства подобный подход реализован в работах С.Глебова. См. напр.: Гле-

Применительно же к «Евразии» как рамке исследовательского самоопределения из этого истолкования вытекает несколько практических следствий. Гибкость этой рамки предполагает возможность включения в нее всего, что так или иначе может быть соотнесено с формированием идентичностей в пространстве, занимаемом сегодня постсоветским миром⁶². Такое определение диктует исследователям, находящимся как внутри, так и вне этого мира, необходимость применения компаративного метода. Это означает, что конкретный сюжет должен изучаться в контексте *общих* социально-антропологических и политических изменений (проблематика модернизации, «советского» и т.д.). Вместе с тем, речь идет и об *историзации* сформировавшегося в процессе этих изменений общего имперского (т.е. модернизационного) наследия, о понимании непредвиденных эффектов, возникавших при действии общих тенденций в локальных контекстах. Социологически проработанная (в духе новой социальной и новой культурной истории) «интерпретация культур» позволит избежать характерного для современного евразийского дискурса культурного консерватизма и эссенциализма и вывести на новый уровень интерпретации ключевую для евразийства проблематику культурной неоднородности. Этой реформой социального и исторического воображения затрагивается, как уже было сказано выше, и проблема идентичности самих ученых, причем в самых разных аспектах – от принципов деления на кафедры до повышения значимости этических и политических составляющих их научной рефлексии⁶³.

В заключение нашего анализа нужно отметить, что в обоих разобранных нами случаях евразийство превращается в инструмент самокритики одновременно и *западной и российской* интеллектуальной традиции⁶⁴. Введение эстетического горизонта рефлексии⁶⁵, обращение к анализу метафор снимает жесткость внешнего противопоставления политики и науки. Таким образом, становится возможной нормализация одной из традиций русской мысли, извлечение ее из состояния рутинного воспроизводства. Многообразии контекстов осмысления и соотнесения

бов С. Границы империи как границы модерна. Антиколониальная риторика и теория культурно-исторических типов евразийстве. // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 267-291.

⁶² Статья включает в себя обзор, исследований, изданий (преимущественно англоязычных) и институций, которые вписываются в рамки евразийской антипарадигмы, в связи с чем, конечно, возникает вопрос об актуальности подобной рамки для отечественных ученых.

⁶³ Представляется важным, что Марк фон Хаген обнаруживает истоки этоса специалистов, работающих в области постколониальных исследований, в позиции представителей «евразийского меньшинства», для которых евразийство было связано с идеей покаяния и искупления вины. См. фон Хаген М. Империи, окраины и диаспоры. С. 149.

⁶⁴ Для оценки их предпосылок, несомненно, показательны и то, что обе интерпретации принадлежат западным ученым. Это подводит нас к вопросу о том, при какой политической конъюнктуре возможна та или иная научно-продуктивная актуализация евразийства. См. об этом в докладе С.Коткина на конференции «Locating "Eurasia" in Postsocialist Studies: The Geopolitics of Naming» (April 27-29, 2007). http://www.princeton.edu/~restudy/soyuz_papers/Kotkin.pdf.

⁶⁵ Евразийская эстетика представляет очень интересную и пока малоисследованную тему. Наиболее интересным (и, как представляется, лежащим в русле проанализированных мною примеров) опытом исследования эстетических горизонтов классического евразийства является книга: Вишневецкий И.Г. Евразийское уклонение в музыке 1920-х – 1930-х годов. М., 2005.

общества и культуры, гибкая и дифференцированная система различия необходима нам, чтобы не оказаться в плену у политизированных – теперь уже по версии К.Шмитта – различий, разделяющих исключительно на друзей и врагов.